

ЕСЛИ при одном лишь упоминании его имени вы улыбнулись, настроились на смешное — считайте, что ошиблись: ничего забавного тут не будет. Разумеется, Евгений Леонов — прекрасный комический актер, который может вызвать у зрителя улыбку, даже не сказав ни слова. Но если вспомнить все его роли, окажется, что он переиграл чуть не все жанры — от психологической драмы до так называемой производственной, хотя, конечно, и в комедиях снимался — бытовых, музыкальных, романтических, фантастических и бог знает каких еще. А его трагические образы последних лет в спектаклях Театра имени Ленинского комсомола «Оптимистическая трагедия» и «Диктатура совести!» Ничего не скажешь — Леонов может все, от трагедии до фарса!

«Ему присущи лукавство, искренность, народность, простота, юмор, серьезность. Актерское мастерство его колоссально», — писал Эльдар Рязанов, вспоминая об их совместной работе над сложным образом провинциального трагика Бубенцова в фильме «О бедном гусаре замолвите слово». Роль Афанасия Бубенцова трудна той огромной нравственной работой, что происходит в душе поначалу плута, картежника и дешевого лицедея и поднимает его до подлинно трагических высот, заставляет совершить героический поступок.

— Евгений Павлович! В «Бедном гусаре» вы прекрасно показали через Афанасия Бубенцова, как роль влияет на исполнителя, как образ подчиняет себе актера. Но ведь то по сценарию, а что можно сказать о взаимодействии актера и его персонажей в реальной жизни?

— Ну если попросту, то мне трудно представить, что можно всю жизнь играть доброго, а стать злым. Есть некая зависимость от того, что играешь и с кем играешь (каждый актер всегда чей-нибудь партнер). Мне кажется, сейчас время, когда не очень растят личность. Если оглянуться на нашу театральную жизнь лет этак на сто или немного меньше назад, то в Художественном театре вдруг — хотя нет, вдруг этого не бывает — возникли Книппер-Чехова, Качалов, Хмелев, Яншин, Грибов.

— Вы считаете, что личность растят иначе? А мне кажется, что собственные усилия человека по самовоспитанию даже важнее, чем «питательная среда». Разве можно вырастить того, кто не прилагает к этому сил?

— И все-таки личность вырастает. Но если кто-то не хочет расти, он, конечно, и не вырастет.

— Я бы сформулировала так: среда, эпоха порождали великих людей, но эти люди не только поглощали «питательную среду» — они на нее сильнейшим образом влияли, создавали ее. Это можно проследить хоть на эпохе Возрождения с ее титанами или — в России — на примере Отечественной войны 1812 года, приведшей к декабристам...

— Стойте, стойте, это вы что-то далеко ушли. Я настаиваю на своем: личности воспитываются, особенно в нашем театральном деле. Или вы думаете, что Хмелев сразу родился таким неповторимым, каким он вышел на сцену в «Днях Турбиных»? Или в сыгранной гениально роли царя Иоанна Грозного (он ведь и умер на этом спектакле от инфаркта)? Нет, Хмелев был рожден театральной эпохой, временем Станиславского и Немировича-Данченко, их умением чувствовать в актере красивое, отдавать свое сердце спектаклю, роли, а в результате — людям. Да, эпоха формировала декабристов, а Художественный театр — Хмелева, Добролюбова, Яншина.

— ЕСЛИ вернуться в наши с вами дни, то события последнего времени тоже должны сказаться на судьбах, вызвать всплеск активности, гражданственности в людях и, разумеется, в актерах.

— Что касается сегодняшней свежеспеченной гражданственности, то возьмем фильм «Проверка на дорогах», снятый Алексеем Германом 15 лет назад. Как видите, и тогда были гражданственные. А Тенгиз Абуладзе! Он же снял «Покаяние» в 1984 году. Наивно говорить, что гражданственными мы становимся сегодня. Это или есть в человеке, или нет.

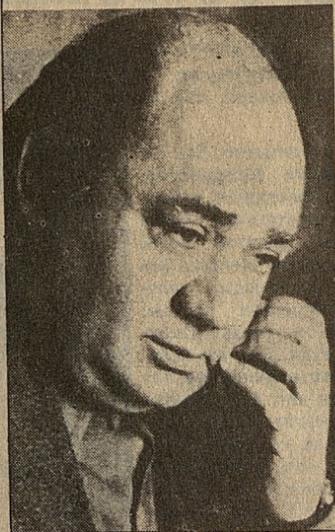
— Конечно, гражданственность не умирает и не рождается в зависимости от лозунгов, но все же те вопросы, что по-

ставлены в «Диктатуре совести», раньше тихо мучили Михаила Шатрова, Марка Захарова и еще каких-то людей, а теперь они открыто и громко звучат перед огромным залом...

— Кстати, «Диктатуру» мы поставили еще за полгода до XXVII съезда (выпустили, правда, после). Этот спектакль для нас — крик души, наша гражданская позиция.

— Евгений Павлович! Я давно хотела задать вам один вопросик из жизни. В интервью вы не раз приводили слова своего героя Сарафанова из фильма «Старший сын» по пьесе Вампилова: «Жизнь справедлива и милосердна». Неужели вы и на самом деле так считаете, и как быть тогда со страшными, совершенно несправедливыми вещами, которые на свете происходят?

— Я считаю так же, как Вампилов, вернее, его герой. Сарафанов как говорит? «Жизнь справедлива и милосердна для

ПОНЯТЬ САМОГО СЕБЯ

Народный артист СССР Евгений ЛЕОНОВ: «Мы вышли на другой уровень правды. Изменилась сама атмосфера нашей жизни»

всех нас, живущих и мудрствующих. Она даже героев заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало или даже ничего не сделал, но прожил свою жизнь с чистым сердцем, она утешает». И я думаю, что это мудро.

Действительно, она утешает. Потому что лучше жизни ничего нет на свете. А бывает в ней всякое. Чего мы хотим? Что выходит на первый план в наше время — время гласности, перестройки (перестройки не на бумаге, а в душе)? То же, что и в другие времена, и для последующих и предыдущих поколений: открыть свое сердце, лучше работать, интереснее, счастливее жить. Я связываю человеческое счастье не только с домом, семьей, но и с обществом. Как ты прожил свою жизнь? Научился отдавать больше, чем брать? Таких людей, которые умеют отдавать, у нас всегда было много. И это прекрасно, так и должно быть, но не всегда бывает. Это особенно видно, если оказываешься за рубежом.

— В АМ в жизни везло на хороших людей?

— Очень. Я много езжу по стране, встречаюсь с большими коллективами. И сколько же мне попадалось людей добрых, отзывчивых! И так всю жизнь, тем более что моя юность пришлась на войну, когда последним куском делились, и в гости приглашали, и угостить старались. Особенно москвичи. Москва всегда считалась чаепитной и хлебосольной.

— Но резче это проступает в трудные времена — больше заметно и больше ценится. Чем хуже живется человеку, тем важнее ему дружеское участие и тепло, и тем легче он сам поделится с другими. Тяжелая жизнь «сбивает в кучу», спокойная и сытая заставляет вспомнить о некоммуникабельности...

— Но дело не только в том, что коммуникабельность — это хорошо, а разобщенность — плохо. Не идти же в коммуналки из отдельных квартир с телевизорами и мягкой мебелью. Да, сейчас в театршний раз не выберутся (правда, иногда и смотреть там нечего). Значит, появляется забота: сделать театр интересным, живым, сердечным. Кстати, это не открытие — русский актер всегда славился своей заботливостью, открытостью, эмоциональностью. Недаром Максим Горький

сказал: «Русский актер — актер сердца». А что мы от хорошей жизни становимся требовательнее, это прекрасно. То, что раньше в театре «проходило»: небрежность исполнения, вялость режиссуры и другие грехи, теперь менее простительно. Не будем, однако, думать, что театр может стать жертвой прогресса — живое искусство никакому прогрессу не пере- ехать.

— Искусство, как известно, само требует жертв. Вам приходилось чем-то жертвовать?

— Да это в любой профессии неизбежно. Мне тоже чего только не приходилось в жизни делать! Помню, воспалением легких болел много раз. И ни разу не лежал в больнице. (Это не гордость — чего ж тут хорошего?) Один раз играл Лариосика в Ленинграде, в огромном Дворце культуры промкооперации — зал на 2200 мест. Температура около сорока, сердце чуть не останавливается. Сделали

уже вошел в них накрепко, стал рефлексом.

— Так то же Данелия — режиссер, у которого мечтают сниматься все актеры. В любой его картине узнаешь нечто присутствующее только ему. И в «Мимино», и в «Осеннем марафоне». «Кин-дза-дза» замышлялась чуть не капустником, где много смешных кусков. Но за время работы фильм стал иным — наполнился грустью, философскими размышлениями, протестом против страшной опустошенности и природы, и живых существ на несчастной планете. И все это тонко, не в лоб, а так, чтобы вы сами додумывали.

— Около сорока лет вы на сцене. Что изменилось за это время в театре?

— Если о том, что мне ближе всего, — об актерской технике — эти перемены неувольны. Только критики вешают ярлыки: режиссура шестидесятых, литература семидесятых. В нашей профессии все происходит незаметно. Если б можно было улавливать, все вышли бы в гении. Думали бы: о, время изменилось, начался век диктаторской режиссуры, то да сё.

Если смотреть шире, везде что-то меняется. Значит, и в театре тоже. Мы вышли на другой уровень правды. Изменилась сама атмосфера нашей жизни. Просто вслушаться в уличный шум — и то он стал другим, больше напряженности. И поведение людей иное: все прячется во внутренний мир, эмоции загоняются вглубь.

Изменились и наши требования: делай так, как думаешь и говоришь; пиши то, что думаешь. Нашему брату-артисту, правда, говорить приходится то, что придумали и написали другие. Мы — второсоздатели, опираемся на литературу, но, с другой стороны, если в нее не вносится свое глубинное содержание, свое сокровенное, ничего и не выслушаешь. Не только о персонаже — о себе тоже рассказываешь. Возникают сложные отношения между тобой и твоим героем: осуждаешь его, оправдываешь, но в то же время сливаешься с ним, так чтобы зритель не заметил зазора между ним и тобой. Актер должен в прыгнуть в обстоятельства, сочиненные драматургом, но обжить их своим материалом. Вот тут и важна наша честность, наши личные качества, иногда даже гражданское мужество. Махарадзе в «Покаянии» как сыграл! Перевоплотился и внешне, и внутренне...

— А вы — в «Диктатуре совести»...

— На одном из спектаклей «Диктатуры», когда Олег Янковский как обычно пошел в зал с микрофоном, кто-то из зрителей спросил: «Кого все-таки играет Леонов?» У меня потом долго не проходило странное ощущение, я мучился и анализировал свою работу. Я же не играю никого конкретно. Если это выглядит, как будто я кого-то копирую, это ужасно. Я создаю обобщенный образ неграмотного руководителя, когда-то преданного высокой идее, а потом ставшего рабом своих страстишек. Жертву абсолютизма — его погубила неограниченность власти. Очень важная для меня роль и принципиально новая. Для чего такого раньше играть не приходилось.

ЛЕОНОВ прав: ничего подобного в нашем театре не было. Мы привыкли к эзопову языку, а тут — русский. Человек перед казнью пытается разобраться в своей жизни, перетраживает все. И так это сделано, словно не актер перед нами на сцене, а человек, буквально ощущающий направленное в него ружейное дуло. Язык заплетается, слова выскакивают сначала обкатанно-привычные, ничего не значащие, какие не раз с трибун в народ бросал, и от этих набивших оскомину призывов он переходит к труднейшему самоанализу.

Сколько раз слышала: во дает, артист! В «Диктатуре» было обратное чувство: не Леонов это, не артист вообще — ведь он же косноязычен, половину его бессвязных бормотаний и не разберешь. Это человек, которого сейчас не станет. И важнее, чем быть услышанным, для него — понять самого себя.

Беседу вела
Светлана НОВИКОВА.